

УДК 902/904
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243>

Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык

© 2024 г. Захаров С.В., Марыксин Д.В.

Keywords: Western Kazakhstan, archaeology, kurgan burial ground, Sauromatians, early Sarmatians, elite burial

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, археология, обалы қорым, савроматтар, ерте сарматтар, элиталық жерлеу

Ключевые слова: Западный Казахстан, археология, курганный могильник, савроматы, ранние сарматы, элитное погребение

S. Zakharov¹, D. Maryxin²

¹Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

²Rutrum LLP, Almaty, Kazakhstan

*Corresponding author

Kurgan burial ground Chebotarevo IV in the middle reaches of the river Zhayik

Materials from the excavations of the Chebotarevo IV kurgan burial ground on the right bank of the Zhayik River, consisting of four kurgans, are being introduced into scientific circulation. Three kurgans were looted but contain dating materials. Kurgan No. 3 features an unlooted Early Sarmatian elite burial. The burial belongs to the group of monuments with ceremonial golden weaponry. The accompanying inventory includes an iron sword with a gold-plated pommel and crossguard, two iron acinaces daggers, a mounted vessel, a quiver, arrowheads, a mirror, a gold chain, an iron belt hook, and a quiver clasp with gold plating. One kurgan is dated to the Sauromatian period, and three kurgans belong to various phases of the Early Sarmatian period. In the article, Kurgan No. 1 is attributed to the 4th century BCE, Kurgan No. 3 to the last quarter of the 2nd century to the beginning of the 1st century BCE, Kurgan No. 4 to the 6th–4th centuries BCE, and Kurgan No. 5 to the 3rd century BCE. Further research will refine or adjust these dates.

Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

Citation: Zakharov, S., Maryxin, D. 2024. Kurgan burial ground Chebotarevo IV in the middle reaches of the river Zhayik. *Margulan readings–2024*. In 2 vol. Vol. 1. Pp.226–243 (in Russian).

С.В. Захаров^{1*}, Д.В. Марыксин²

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

²«Rutrum» ЖШС, Алматы қ., Қазақстан

*корреспондент авторы

Жайық өзенінің орта ағысындағы Чеботарево IV обалы қорымы

Ғылыми айналымға төрт обадан тұратын Жайық өзенінің оң жағалауындағы Чеботарево IV обалы қорымының қазба материалдары енгізілуде. Үш оба тоналған, алайда мерзімдеуге жеткілікті материал бар. № 3 обадан ерте сарматтық тоналмаған элиталық жерлеу орны табылды. Жерлеу орны салтанатты алтын қаруы бар ескерткіштер тобына жатады. Ілеспе құрал-саймандардың қатарында ұшы мен айқаспасы алтын жалатылған темір қылыш, екі темір қанжар, қыш ыдыс, қорамсақ, жебе ұштары, айна, алтын алқа, темір белдік ілмегі және алтын жалатылған қорамсақ ілгері бар. Бір оба савромат дәуірімен мерзімделеді, үш оба ерте сарматтардың әртүрлі кезеңдеріне жатады. Мақалада № 1 оба – б.д.д. IV ғасырға, № 3 оба – б.д.д. II ғасырдың соңғы ширегі – I ғасырдың басына, № 4 оба – б.д.д. VI – IV ғасырларға, № 5 оба – б.д.д. III ғасырға жатқызылды. Әрі қарай жалғасатын зерттеу мерзімдеуді нақтылауға немесе түзетуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме: Захаров С.В., Марыксин Д.В. 2024. Жайық өзенінің орта ағысындағы Чеботарево IV обалы қорымы. *Марғұлан оқулары–2024*. 2 том. 1-т. 226–243-бб. (Орысша).

С.В.Захаров^{1*}, Д.В. Марыксин²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

²ТОО «Rutrum», г. Алматы, Казахстан

*автор-корреспондент

Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык

Вводятся в научный оборот материалы раскопок курганного могильника Чеботарево IV на правобережье р. Жайык, состоящего из четырех курганов. Три кургана ограблены, но содержат датирующий материал. Курган № 3 содержит раннесарматское неограбленное элитное погребение. Погребение относится к кругу памятников с золотым церемониальным оружием. Сопроводительный инвентарь состоит из железного меча с золотой обкладкой навершия и перекрестия, двух железных кинжалов-акинаков, станкового сосуда, колчана, наконечников стрел, зеркала, золотой цепочки, железных поясного крюка и колчанной застежки с золотой плакировкой. Один курган датируется савроматским временем, три кургана относятся к разным периодам ранних сарматов. В статье курган № 1 отнесен к IV в. до н.э., курган № 3 – к последней четверти II – началу I в. до н.э., курган № 4 – к VI–IV вв. до н.э., курган № 5 – к III в. до н.э. Дальнейшие исследования позволят уточнить или скорректировать датировки.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Цитирование: Захаров С.В., Марыксин Д.В. 2024. Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык. *Марғұлановские чтения–2024*. В 2-х т. Т. 1. С. 226–243

Введение

Несмотря на внушительную историю изучения и представительный корпус источников о савроматской и раннесарматской культурах, каждый новый предназначенный к исследованию могильник и отдельный курган таит в себе вероятность открытия новых, подчас уникальных, материалов. В 2022 г. обследованием ТОО «Rutrum» территории в Западно-Казахстанской области, попадающей в зону освоения в ходе обустройства нефтяной вышки, выявлены новые курганы в ранее известной курганной группе Чеботарево IV [Заключение ... 2022], расположенной на территории Байтерекского района. Ранее на госучете памятник состоял в составе двух курганов. В ходе обследования в 2022 г. выявлено пять насыпей (рис. 1).

В полевом сезоне 2023 г. экспедицией ТОО «Rutrum» проведены спасательные археологические работы на этом объекте историко-культурного наследия. В ходе раскопок выяснилось, что небольшое возвышение, принятое первоначально за кург. № 2, таковым не является. Настоящая статья направлена на публикацию материалов курганов № 1, 4, 5 и предварительную публикацию материалов кург. № 3.

Материалы и методы

Методика исследования

Исследованиям методом раскопок подверглись все четыре кургана могильника Чеботарево IV (№ 1, 3–5) и всхолмление, ранее принятое за курган (кург. № 2 Заключение). В результате распахки насыпи деформированы, их наиболее высокие точки оказывались смещёнными относительно первоначальных центров курганов и могильных ям под ними. Видимые диаметры насыпей не соответствовали исходным (они всегда их превышали) и ввиду отсутствия рвов истинные диаметры

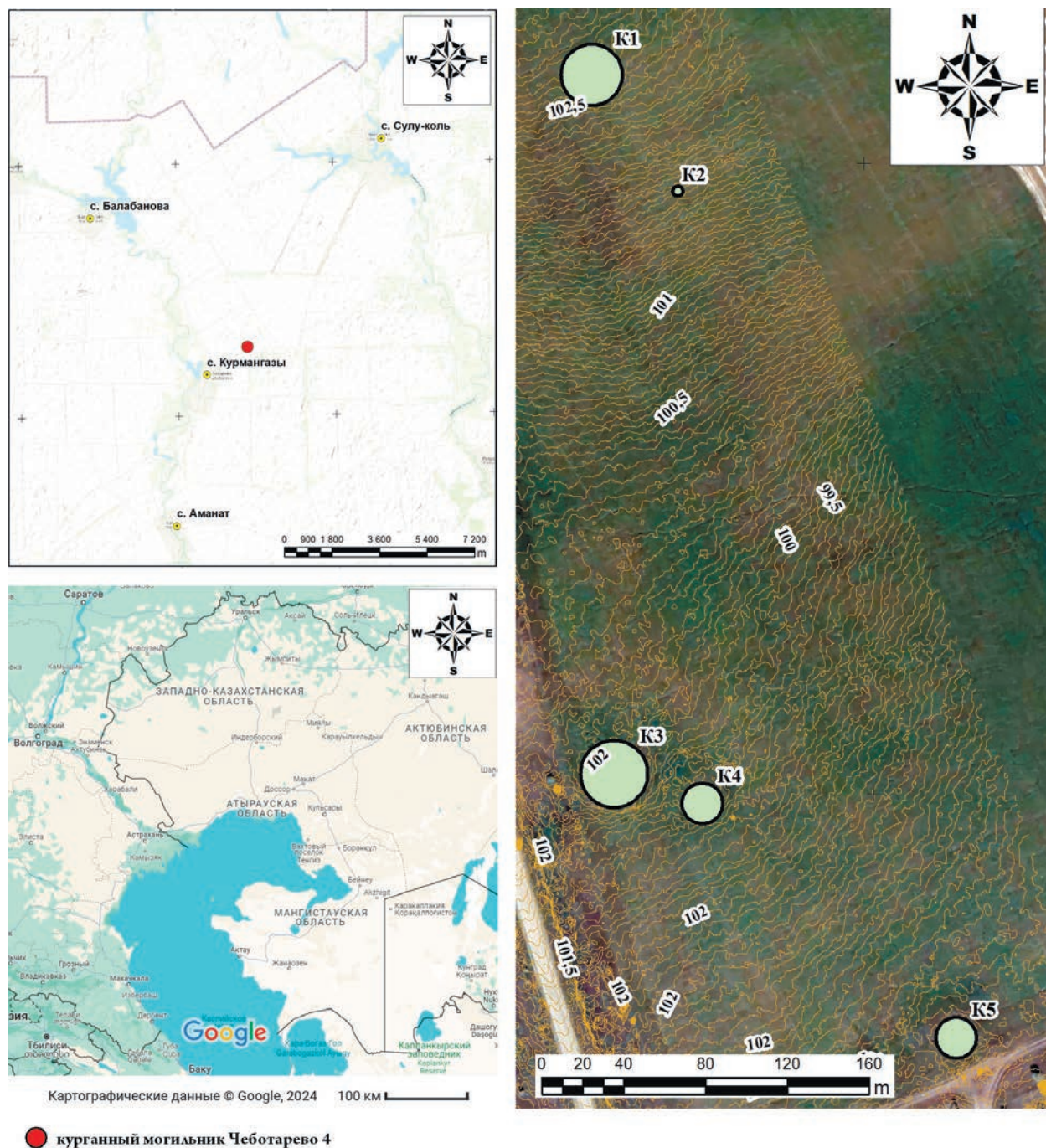

Рис. 1. Курганный мог. Чеботарево IV. Местоположение на карте и на местности.

Топографический план. Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин

1-сур. Чеботарево IV обалы қорымы. Картада және аймақта орналасуы. Топографиялық жоспар.

Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 1. Kurgan b.g. Chebotarevo IV. Location on the map and on the ground. Topographic plan.

Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

выявлялись при анализе стратиграфических профилей. Такая ситуация определила площади раскопов размерами, значительно превышающими реальные диаметры курганов.

На фоне материка пятна могильных ям фиксировались с трудом, так как заполнение их состояло, как правило, из того же материкового суглинка с более или менее выраженной примесью серо-коричневого почвенного слоя. Особенно трудно прослеживались на поверхности материка пятна от погребальных камер, ограбленных в древности. Всё это отразилось на конфигурации входных ям и погребальных камер, что и показано на чертежах.

Вскрытие могильных ям, расчистка погребений, документирование и снятие находок производились по общепринятой методике. Исключение составили сильно разрушенные крупные изделия из железа и органические остатки предполагаемых колчанов из погребения под насыпью кург. № 3, которые были взяты в составе грунтовых блоков.

Описание материала

Насыпи курганов мог. Чеботарево IV располагались на пахотном поле в равнинной части водораздельного пространства рек Ембулатовка и Быковка, в 1,5 км северо-восточнее с. Курмангазы (бывшее с. Чеботарево)¹. Курганы № 3–5 сгруппированы в короткую цепочку по линии СЗ–ЮВ. Кург. № 1 находился на отдалении, в 330-ти метрах севернее (рис. 1).

В течение длительного времени насыпи всех курганов (за исключением кург. № 3) мог. Чеботарево IV подвергались регулярной распахке, вследствие чего имели форму сильно выположенных всхолмлений. Лишь насыпь кург. № 3 выглядела относительно компактной. Высота курганов на современной дневной поверхности варьировалась от 0,3 до 1,20 м.

Почвенный слой могильника состоял из чернозёма нормального южного, который образовался на плоских водоразделах Общего Сырта на севере района. Материк повсюду состоял из жёлтого плотного суглинка, пёстрого от интенсивных белых карбонатных включений («глина-белоглазка»). Насыпи всех курганов грунтовые, сложены из чернозёма с линзами нор грызунов и могильных выкидов.

Кург. № 1. Насыпь округлой в плане формы (диаметр – 30 м, высота – 0,4 м). Раскопки насыпи осуществлялись с разбивкой её на два сектора с оставлением стратиграфической бровки по линии С–Ю (рис. 2, I).

Кург. содержал одну могильную яму по центру подкурганной площадки. Её края полностью разрушены грызунами и грабителями. Первоначальные границы ямы удалось определить лишь на глубине 1,1 м от уровня материка.

Погребальная камера имела входную яму неправильной овальной формы размерами 1,50 × 2,10 м, ориентированную длинной осью по линии СЗ–ЮВ, со стенками, испещрёнными многочисленными норами. С западной стороны от ямы расчищены остатки грабительского лаза размерами 0,90 × 1,20 м и глубиной от 0,55 до 0,93 м. В заполнении входной ямы встречены две лучевые кости человека. На глубине 1,70 м яма приобрела размеры 2,20 × 2,60 м и в плане сложную форму ввиду наличия двух выступов стенок в месте перехода придонной части входной ямы в подземную часть погребальной камеры (рис. 2, II, III).

В северо-западной части погребальной камеры залегал *in situ* неполный скелет – левая нога человека с тазовыми костями, в юго-восточной части – два фрагмента одной малой лучевой кости

¹ В учетной карточке объекта историко-культурного наследия на момент выявления, в паспорте памятника истории и культуры при принятии под государственную охрану и в Государственном списке памятников истории и культуры местного значения Западно-Казахстанской области, утвержденном постановлением акимата Западно-Казахстанской области от 21 декабря 2020 года № 301, памятник числится под названием «Могильник Чеботарево IV» (№ 831 Госсписка).

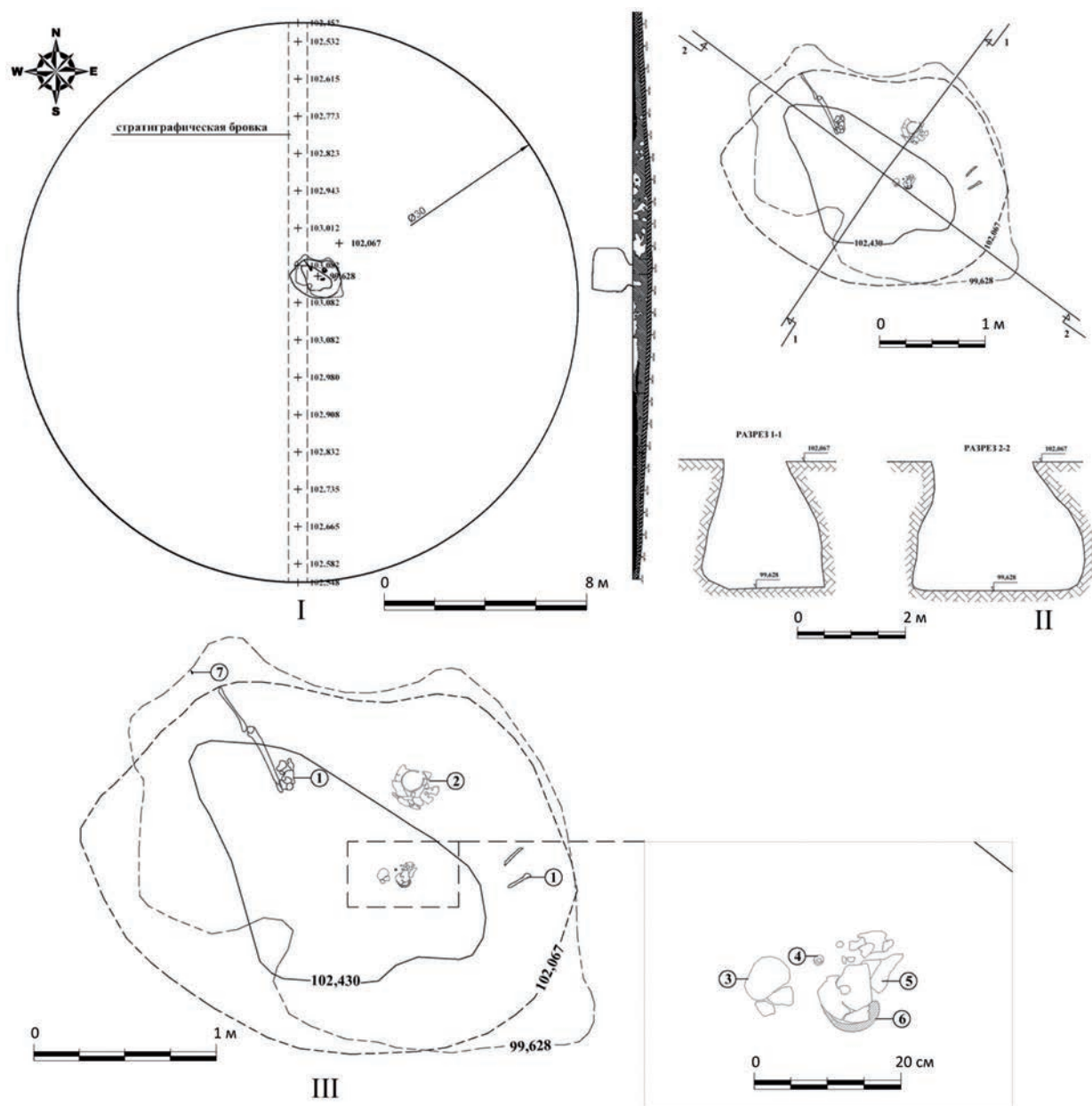

Рис. 2. Курган № 1: I – план кург.; II – разрезы м. я.; III – план м. я. и погребения: 1 – костные останки; 2 – керамический сосуд в развале; 3 – прослойка органики; 4 – серьга; 5 – зеркало во фрагментах; 6 – курильница; 7 – наконечник стрелы. Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин

2-сур. № 1-оба: I – обаның жоспары; II – қ. ш. қималары; III – қ. ш. мен жерлеу орнының жоспары: 1 – сүйек қалдықтары; 2 – сынған қыш ыдыс; 3 – органикалық қабат; 4 – сырға; 5 – айна бөлшектері; 6 – түтеткі; 7 – жебе ұшы. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 2. Kurgan No. 1: I – plan of the kurg.; II – sections of the grave pit; III – plan of the grave pit and burial: 1 – bone remains; 2 – ceramic vessel in ruins; 3 – organic layer; 4 – earring; 5 – mirror in fragments; 6 – incense burner; 7 – arrowhead. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

человека. Судя по расположению костей *in situ*, погребённый был похоронен лежа на спине головой на юго-восток по диагонали погребальной камеры. В северной части ямы располагался раздавленный крупный керамический сосуд. По центру погребальной камеры на дне выявлен локальный участок органического тлена. Рядом с пятном стояла глиняная плоскодонная курильница с цилиндрическим туловом, сверху перекрытая бронзовым зеркалом с тонкой органической прослойкой тёмно-зелёного цвета под ней, и лежала спиралевидная в два оборота бронзовая серьга, плакированная золотой фольгой. Рядом с костями нижней конечности обнаружен бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, III, 1–7).

Описание сопроводительного инвентаря

Курильница. Небольшой сосуд с цилиндрически туловом, с прямыми толстыми стенками, слегка загнутым вовнутрь венчиком с плоским срезом верха, с плоским дном, в котором устроены два сквозных округлых отверстия (рис. 3, 1). Сосуд коричневого цвета. Поверхность с внешней и внутренней стороны покрыта слоем частично сохранившегося светлого, желтоватого оттенка ангоба. Высота сосуда 5,3 см, диаметр по венчику – 7,5 см, толщина стенок 1,0 см, диаметр отверстий в дне курильницы 1,3–1,4 см.

Наконечник стрелы. Бронзовый, трёхлопастный с гранёным бойком, втульчатый, с низкой выделенной втулкой (рис. 3, 2). Длина 4,2 см, ширина по лопастям 1,0 см, выступающая длина втулки 0,8 см.

Серьга. Спиралевидная в два оборота серьга из бронзового прута, обёрнутого золотым листом (рис. 3, 3). Округлая в сечении. Диаметр прута 0,2 см. Форма серьги слегка подовальная, диаметр по внешнему краю 1,35–1,45 см.

Бронзовое зеркало во фрагментах. Сохранилось пять крупных фрагментов и несколько мелких, позволившие восстановить форму зеркала. Зеркало с круглым диском и прямой рукоятью (рис. 3, 4). Диск плоский, с утолщением в месте перехода в рукоять. В средней части диска сохранились заполированные участки жёлтого цвета. Овал диска плавно переходит в рукоять, конец которой обломан. Диаметр диска не менее 12 см. Толщина его фрагментов составляет от 0,3 до 0,8 мм. Рукоять сохранилась на длину 4,5 см от диска. Ширина рукояти 2,0–2,2 см.

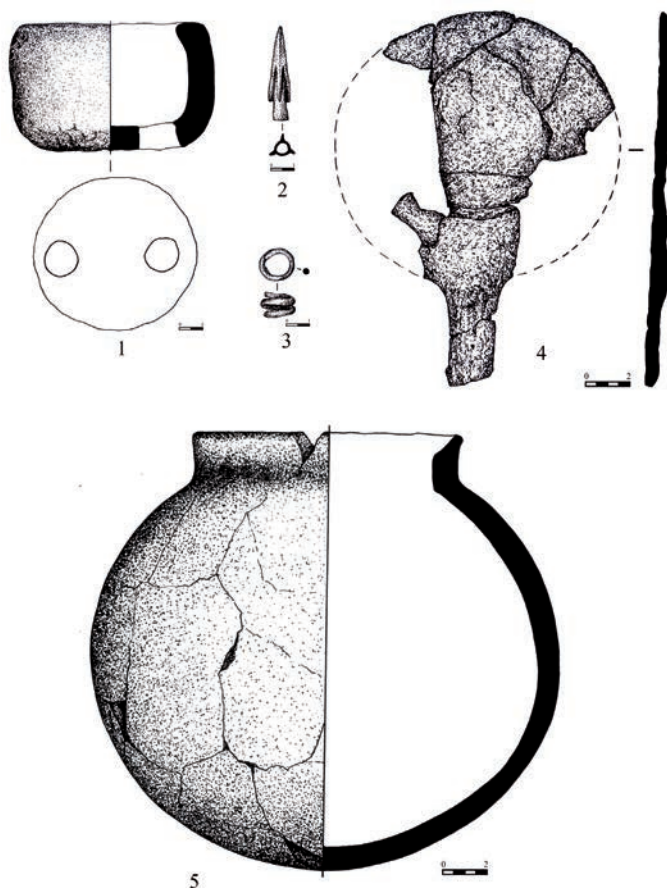

Рис. 3. Курган № 1: 1 – курильница; 2 – бронзовый наконечник стрелы; 3 – бронзовая с золотой плакировкой серьга; 4 – бронзовое зеркало; 5 – керамический сосуд.

Художник: Анна Кузьминова

3-сур. № 1-оба: 1 – түтәткі; 2 – жебенің қола ұшы;
3 – алтын жалатылған қола сырға; 4 – қола айна;
5 – қыш ыдыс. Суретші: Анна Кузьминова

Fig. 3. Kurgan No. 1: 1 – incense burner; 2 – bronze arrowhead; 3 – bronze earring with gold plating; 4 – bronze mirror; 5 – ceramic vessel. Artist: Anna Kuzminova

Крупный фрагментированный сосуд. Лепной сосуд по типу котла (рис. 3, 5). Тулово шаровидной формы, раздуто в центральной части, дно овальное. Венчик сливается с невысокой прямой горловиной, края венчика слегка отогнуты наружу, на его внутренней стороне имеется еле заметный уступчик, предположительно, под крышку. Сосуд серого цвета, поверхность с внешней стороны покрыта частично сохранившимся слоем светлого ангоба. В отдельных местах имеется лощение. Ангобное покрытие и поверхность сосуда без ангоба имеют неоднородный цвет: видны пятна слабого прокала, сажи, закопченности. Высота сосуда 21,6 см, диаметр тулова 23,2 см, высота горловины 2,4 см, диаметр венчика 13 см. Толщина стенок сосуда 0,6–0,9 см, в области дна – 0,8–0,9 см.

Курган № 3. Насыпь округлой в плане формы (диаметр – 33 м, высота – 1,2 м от уровня современной дневной поверхности) (рис. 4, I).

Под насыпью кургана обнаружена одна могильная яма, располагавшаяся в западной части подкурганной площадки, что, по всей видимости, и спасло погребение в ней от разграбления. Яма на уровне материка имела в плане неправильную, округло-подквадратную форму (3,60 × 3,45 м). Длинной осью ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В придонной части, в 0,32–0,5 м от дна яма сужается до 2,40 м и приобретает подпрямоугольные очертания. Дно ямы ровное, на глубине 2,13 м от поверхности материка (рис. 4, II, III).

Сотметки -0.95 м от материковой поверхности по средней линии могильной ямы в направлении ССЗ–ЮЮВ стали встречаться остатки деревянных, прямоугольных в сечении брусков размерами в сечении – от 4 × 8 см до 4 × 14 см (рис. 5, 2).

Бруски располагались в ряд, но под наклоном в направлении восточной стенки, вдоль которой ниже было выявлено захоронение. Эта деревянная перегородка делила могильную яму вдоль на две примерно равные части: на входную яму и погребальную камеру, предположительно, в форме подбоя, со временем обрушившегося.

Вдоль восточной стены на полу ямы прослежены следы органического серовато-чёрного цвета тлена размерами 2,47 × 0,78 м. Местами поверх тлена встречена белая меловая подсыпка. Южная часть подстилки была полностью свободна, центральную и северную её части занимали полный скелет погребённого и сопроводительный инвентарь.

Погребённый располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юг, с небольшим отклонением к западу (рис. 5, 1). Череп обращён лицевой частью вверх. Руки расположены вдоль туловища и согнуты в локтях: левая слегка изогнута, правая – под большим углом. Кости правой ноги залегают почти по прямой линии, нога согнута в колене под углом в 120° и слегка отклонена вправо, опираясь внешней боковой поверхностью коленного сустава на восточную стенку ямы. Левая нога сильно согнута в колене и тазобедренном суставе и в таком виде лежала на дне ямы (рис. 4, III).

4-сур. № 3 оба: I – оба жоспары; II – қабір шұңқырының қимасы; III – қ.ш. мен жерлеу орны жоспары; IV – жоспар (1 – қаңқа, 2 – қылыш, 3 – № 1 қорамсақ, 4 – жебе ұштары, 5 – белдік ілмегі, 6 – № 2 акинақ, 7 – алтын айылбастар, 8 – қыш ыдыс, 9 – № 1 акинақ, 10 – № 2 қорамсақ, 11 – алтын алқа (алқа/гривна), 12 – қабы бар қола айна, 13 – күміс айылбас, 14 – темір тоға, 15 – темір пышақ, 16 – қорамсақ ілгегі.
Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин

Fig. 4. Kurgan No. 3: I – plan of the kurg.; II – sections of the grave pit; III – plan of the grave pit and burial; IV – layout (1 – skeleton, 2 – sword, 3 – quiver No. 1, 4 – arrowheads, 5 – belt hook, 6 – acinaces No. 2, 7 – gold plaques, 8 – ceramic vessel, 9 – acinaces No. 1, 10 – quiver No. 2; 11 – gold chain (necklace /torc), 12 – bronze mirror in a case, 13 – silver plaque, 14 – iron buckle, 15 – iron knife, 16 – quiver clasp.
Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin

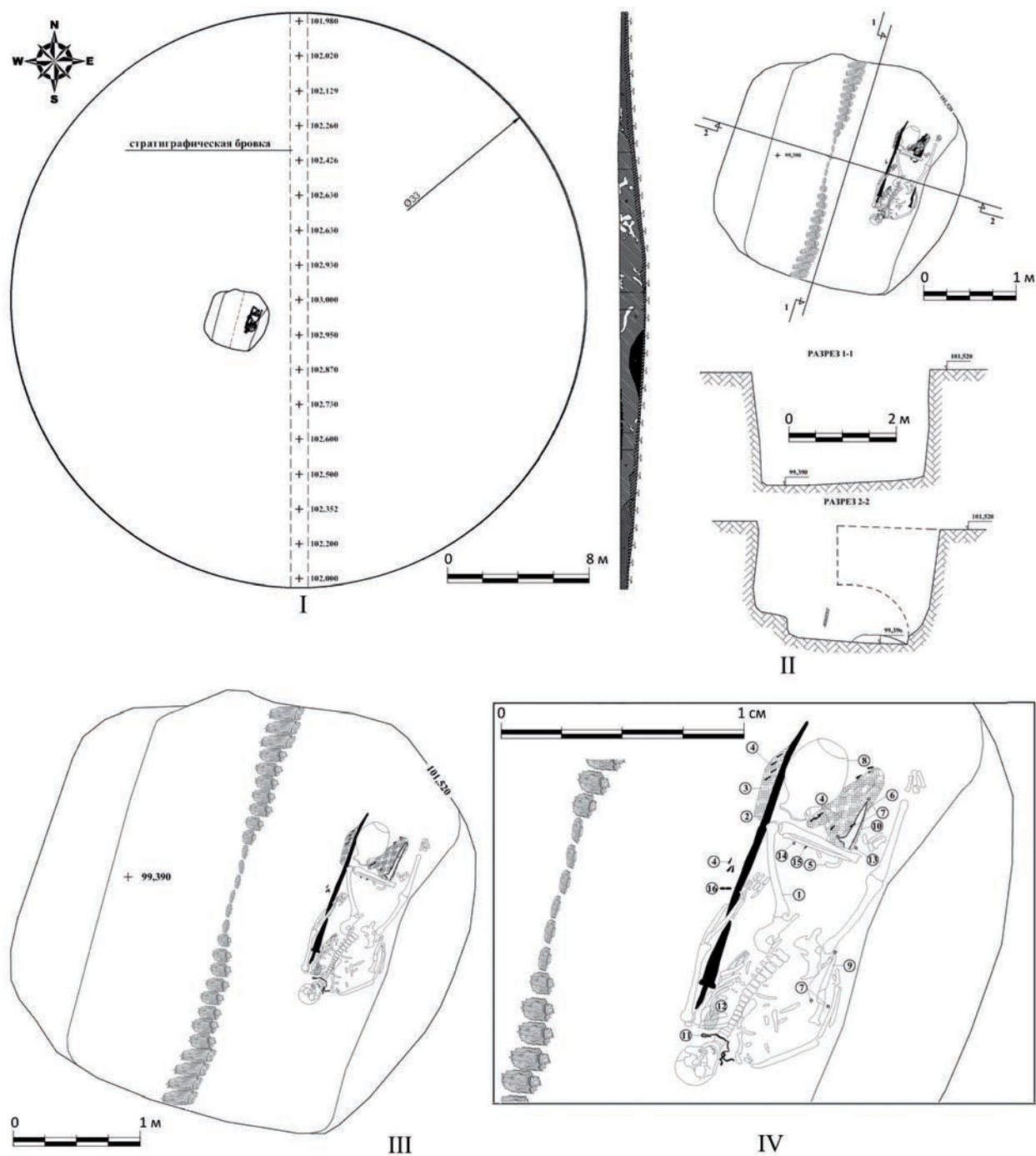

Рис. 4. Курган № 3: I – план кургана; II – разрезы м.я.; III – план м.я. и погребения;
IV – план (1 – скелет, 2 – меч, 3 – колчан № 1, 4 – наконечники стрел, 5 – поясной крюк,
6 – акинак № 2, 7 – золотые бляшки, 8 – керамический сосуд, 9 – акинак № 1, 10 – колчан № 2,
11 – золотая цепочка (ожерелье/гривна), 12 – бронзовое зеркало в футляре; 13 – серебряная бляшка,
14 – железная пряжка, 15 – железный нож, 16 – колчанная застежка).

Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин

Рис. 5. Курган № 3: 1 – погребение, общий вид на юг; 2 – фрагмент деревянного перекрытия подбоя; 3 – эфес меча и зеркало в футляре. Фото: Александр Крыгин

5-сур. № 3-оба: 1 – жерлеу орны, оңтүстіктен жалпы көрінісі; 2 – жүгеннің ағаш төсемінің бөлшегі; 3 – қылыштың сабы мен қабына салынған айна. Фотосурет: Александр Крыгин

Fig. 5. Kurgan No. 3: 1 – burial, general view to the south; 2 – fragment of wooden lining of the underlay; 3 – sword crossguard and mirror in a case. Photo: Alexander Krygin

На шейных позвонках погребённого лежала массивная цепочка из золота (рис. 4, IV, 11). Под левой лопаткой погребённого располагалось рукоятью в южном направлении бронзовое зеркало в футляре (рис. 4, IV, 12; 5, 3).

Слева от погребённого лежал железный меч (рис. 4, IV, 2; 5, 3). Под нижней третью клинка лежала деревянная дощечка, рядом и поверх этой дощечки, а также левее меча лежали бронзовые трёхлопастные наконечники стрел с остатками древков, вероятно, остатки колчана (колчан № 1) (рис. 4, IV, 3–4). Левее лезвия меча и рядом с ним находилась железная колчанная застёжка (рис. 4, IV, 16), плакированная золотой фольгой, но сплошь покрытая сверху окислами железа.

С правой стороны от погребённого лежал железный кинжал (акинак № 1) (рис. 4, IV, 9). По обеим сторонам от перекрестия и в нескольких сантиметрах ниже острия кинжала выявлено по одной полусферической подвесной золотой бляшке (рис. 4, IV, 7).

В ногах погребённого располагались остатки ещё одного колчана (колчан № 2) (рис. 4, IV, 10) из фрагментов древесины (очень плохой сохранности) и другой органики, бронзовые трёхлопастные наконечники стрел (всего выявлено 10) с остатками древков (рис. 4, IV, 4) и остатки практически полностью коррозированных железных предметов с остатками древесины древков внутри. Немного севернее лежали фрагмент железного однолезвийного ножа и железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4, IV, 14–15).

Между колчаном № 2 и нижней частью клинка меча лежал на боку целый станковый красноглиняный сосуд-кувшин (рис. 4, IV, 8). Восточнее колчана № 2 залегал железный акинак (акинак № 2) (рис. 4, IV, 6). Также, как и у первого акинака, по сторонам перекрестия и у острия клинка лежало по одной металлической полусферической подвесной бляшке, две золотые, одна – серебряная (рис. 4, IV, 13). Рядом лежал поясной крюк из железа, плакированный золотым листом с железными окислами поверх него (рис. 4, IV, 5). Материалы из погребения нуждаются в дополнительной обработке. Их подробная характеристика предполагается в отдельной публикации.

Курган № 4. Насыпь округлой в плане формы, диаметром 20 м и высотой 0,3 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 6, 1).

На глубине 0,2 м от поверхности насыпи выявлена глиняная обваловка подкурганной площадки из материкового суглинка с включением карбонатов. Диаметр обваловки по внешнему контуру составляет 12,8 м, ширина вала достигает 0,9 м, высота – 0,1 м. Могила располагалась в центре подкурганной площадки. Яма в плане округлой формы, представлена пятном неоднородного грунта размерами 1,90 × 2,25 м, ориентированным длинной осью по линии 3–В.

К придонной части могильная яма расширилась в западном и восточном направлениях до 2,85 м в длину. Конфигурация погребальной камеры в придонной части усложнилась за счёт расчистки в юго-западном и юго-восточном углах неглубоких ниш шириной в 1,20 м и 1,0 м, соответственно. Дно ямы находилось на глубине 2,50 м от поверхности материка (рис. 6, 2).

В заполнении ямы обнаружены позвонок и ребро человека, шесть фрагментов керамики. В области юго-восточной ниши обнаружено скопление разрозненных костей скелета человека: лопатка, тазовая и плечевая кости, два позвонка, нижняя челюсть и шесть рёбер (рис. 6, 3).

Описание сопроводительного инвентаря

Шесть фрагментов лепного сосуда горшечного типа (один венчик, четыре фрагмента стенок, один фрагмент выделенного донца с придонной частью) (рис. 6, 4). Фрагменты красного цвета. На поверхности имеются следы неравномерного прокала и пятна сажи. Толщина стенок сосуда 0,8–0,9 см. Венчик с отогнутым наружу краем овальной формы. Внутренняя часть венчика скошена по всему изгибу с образованием пологой площадки шириной 1 см. Восстанавливаемый по фрагменту венчика диаметр отверстия сосуда равен 14 см. Дно выступает за пределы придонной части тулова, формируя уступчик (выделенное дно). Толщина стенки в придонной части 0,9 см, толщина донца – 1,2 см. Восстанавливаемый по фрагменту диаметр донца сосуда 9 см.

Курган № 5. Насыпь кургана округлой в плане формы, диаметром 20 м и высотой 0,6 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 7, I).

Могильная яма располагалась в центральной части подкурганной площадки, с небольшим смещением в юго-западном направлении.

На уровне материка яма имела неправильную подпрямоугольную форму (2,80 × 2,30 м) с сильно заovalенными углами и ориентирована длинной осью по линии С–Ю. К придонной части она значительно сузилась, приобретая в плане форму сильно вытянутого по оси С–Ю овала с неровными очертаниями (3,0 × 1,0–1,1 м, глубина – 3,0 м) (рис. 7, III). Стены камеры сильно повреждены огромными сурчинами.

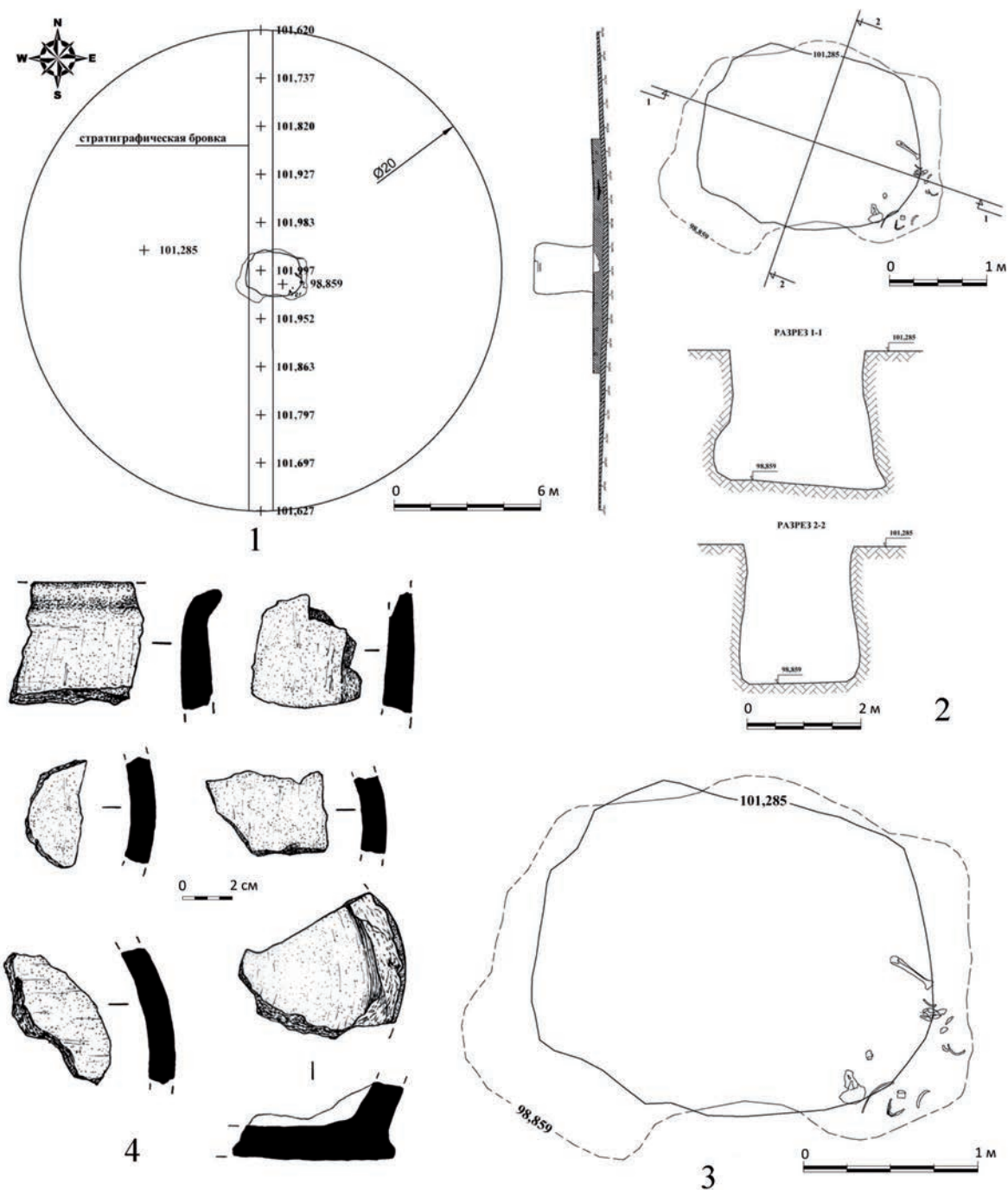

Рис. 6. Курган № 4: 1 – план кург.; 2 – разрезы м.я.; 3 – план м.я. и погребения; 4 – фр. керамичес. сосуда.
Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин (1–3). Художник: Анна Кузьмина (4)

6-сур. № 4 оба: 1 – обаның жоспары; 2 – қ.ш. қималары; 3 – қ. ш.мен жерлеу орнының жоспары;
4 – қыш ыдыстың сынықтары. Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин (1–3).
Суретші: Анна Кузьмина (4)

Fig. 6. Kurgan No. 4: 1 – plan of the kurg.; 2 – sections of the grave pit; 3 – plan of the grave pit and burial;
4 – fragments of a ceramic vessel. Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin (1–3).
Artist: Anna Kuzminova (4)

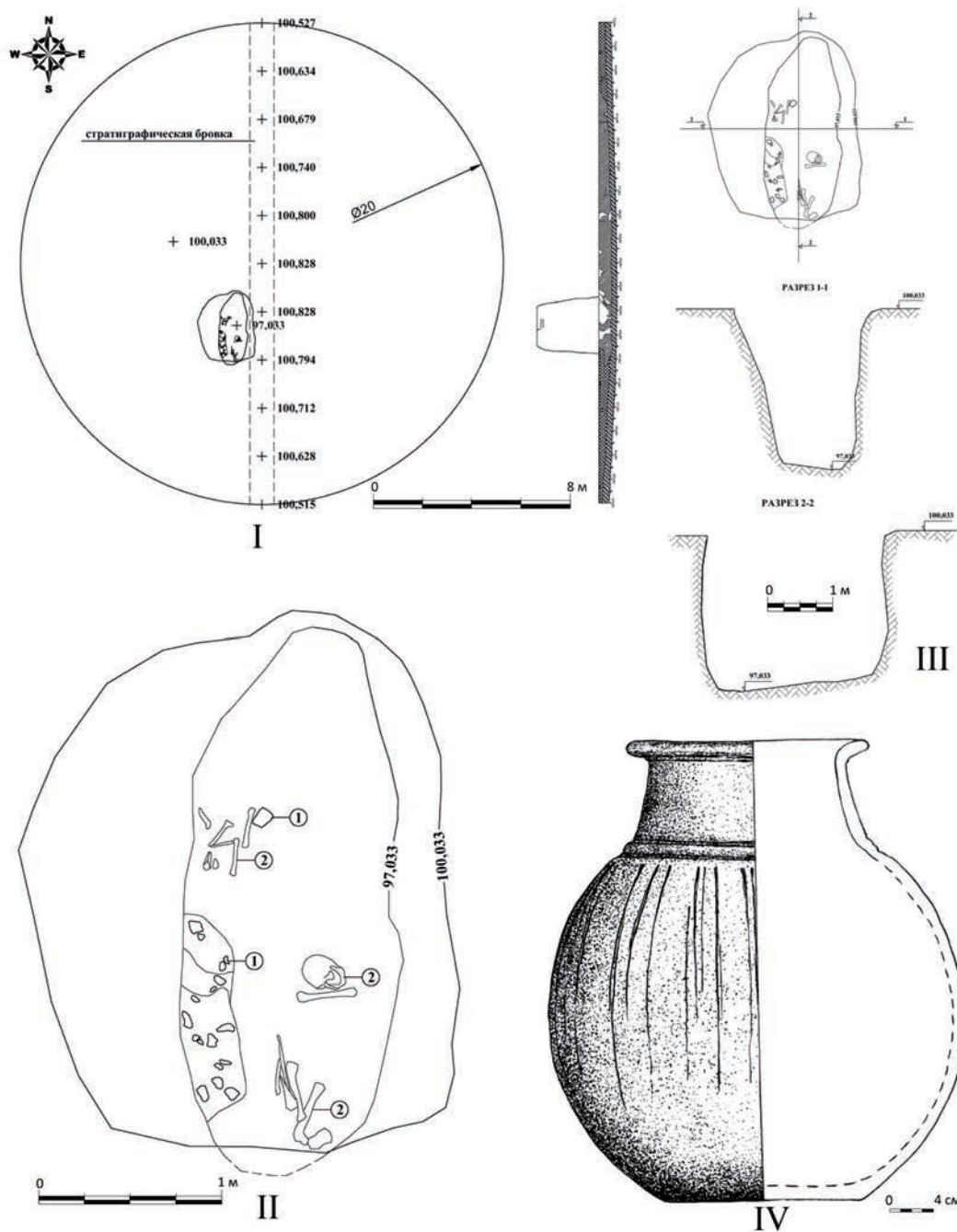

Рис. 7. Курган № 3: I – план кург.; II – план м.я. и погребения: 1 – фр. керамич. сосуда; 2 – кости;
III – разрезы м.я.; IV – керамич. сосуд.

Исполнители: Сергей Захаров и Денис Сорокин (I–III). Художник: Анна Кузьмина (IV)
7-сур. № 3-оба: I – оба жоспары; II – қ. ш. мен жерлеу орнының жоспары: 1 – қыш ыдыстың сынықтары;
2 – сүйектер; III – қ. ш. қималары; IV – қыш ыдыс.

Орындағандар: Сергей Захаров пен Денис Сорокин (I–III). Суретші: Анна Кузьмина (IV)

Fig. 7. Kurgan No. 3: I – plan of the kurg.; II – plan of the grave pit and burial: 1 – fragments of a ceramic vessel;
2 – bones; III – sections of the grave pit; IV – ceramic vessel.

Performers: Sergey Zakharov and Denis Sorokin (I–III). Artist: Anna Kuzminova (IV)

В заполнении южной половины ямы начиная с отметки -2.0 м от уровня материка залегало скопление разрозненных костей человека (рис. 7, II, 2). Вдоль западной стенки хаотично залегали многочисленные фрагменты одного керамического сосуда (рис. 7, II, 1).

На дне разрозненно лежали череп и остатки посткраниального скелета человека, остатки МРС в виде альчиков, трубчатых костей передних конечностей и лопатки (рис. 7, II, 2). Судя по расположению черепа, можно заключить, что погребённый был уложен на спине головой на юг.

Описание сопроводительного инвентаря

Керамический сосуд. Многочисленные фрагменты керамики относились к одному сосуду чёрного цвета, лепному, плоскодонному, в форме кувшина без ручки, с широким округлым туловом относительно узкой и низкой, сужающейся кверху шейкой, сильно отогнутым наружу широким округлым венчиком (рис. 7, IV). Шейка отделена от тулова сформированным прочерченными линиями невысоким горизонтальным валиком. Высота сосуда 26 см, диаметр тулова 23 см, высота шейки примерно 6,8 см, диаметр – 12 см, диаметр венчика 12 см, дно диаметром 11 см. Толщина стенок сосуда 0,6–0,7 см. Тесто плотное, с обильной примесью мелких и крупных частиц песка, минералов и талька. На внешней стороне тулова имеются полосы орнамента из трёх–четырёх вертикально прочерченных длинных прямых линий, на $\frac{1}{4}$ не достигающие до нижней части тулова (так называемые «полотенца»). Под венчиком сосуда имеются гладкие узкие горизонтальные линии в несколько рядов, образующие пояс по всей окружности шейки.

Результаты

В ходе полевых работ были изучены археологическими раскопками четыре кургана. Три кургана из них были ограблены, погребения разрушены, а могильные ямы – деформированы. Целым оказалось только погребение под насыпью кургана № 3. Все курганы содержали по одной погребальной яме. Зафиксированный материал позволяет сделать обоснованное предположение о наличии только индивидуальных захоронений по обряду ингумации.

Несмотря на ограбление, набор уцелевшего инвентаря и остатки погребённых в курганах № 1, 4, 5 позволяют определить их культурную и хронологическую позиции. Материалы дошедшего до нашего времени целым погребения в кургане № 3 разнообразны, имеют ярко выраженный характер. Часть из них – уникальна. Крупные железные изделия и остатки колчанов взяты грунтовыми блоками, частично документированы *insitu*. Необходимость в дополнительных камеральных и консервационно-реставрационных мероприятиях не позволяет на данный момент дать их полную характеристику и публикацию.

Обсуждение

Сероглиняный лепной сосуд из кург. № 1 по классификации В.М. Клепикова относится к отделу 1 – сосуды с шаровидным и близким к нему туловом, типу 2 – горшки с коротким цилиндрическим горлом и выделенным венчиком [Клепиков 2002: 52; рис. 15, 11, 14]. Практически идентичны ему скупо орнаментированный сосуд из мог. Сарытау 1, кург. № 7 [Краева 2017: 135, фото 187] и неорнаментированный сосуд из Мечетсайского могильника на р. Елек (Илек), кург. № 7, погр. 13 конца IV–III в. до н.э. [Смирнов 1975: 130; рис. 49, 7] в Актюбинской и Оренбургской областях, соответственно.

Очень близкие по форме, но с более выраженным венчиком и скупым орнаментом сосуды происходят из могильников северной части Актюбинской обл.: Шилисай, кург. № 1, погр. 1; Шиликтысай 1, кург. № 3, погр. 2; Целинный 1, кург. № 51; Тортоба, кург. № 1, погр. 2 [Краева 2017: фото 233, 274, 317, 333–338]. Шаровидные сосуды с прямыми и резко отогнутыми шейками, венчики с внутренним ребром распространяются в раннесарматской культуре с IV в. до н.э. и имеют на территории Западного Казахстана широкий хронологический диапазон бытования в рамках этой культуры [Краева 2017: 36].

Почти все виды курильниц в сарматских могилах появляются с конца IV в. до н.э. [Смирнов 1973: 169]. В литературе нами не встречены полные аналогии курильнице из кургана № 1. В отношении формы и пропорций по типологии К.Ф. Смирнова она может быть отнесена к типу 4а курильниц прохоровской культуры IV–II вв. до н.э., мелких, плоскодонных, с едва заметно расширяющимися кверху стенками и слегка загнутыми внутрь венчиками, но без отверстий в дне [Смирнов 1973: рис. 1, 4а] и похожа на сосудик из мог. Лебедевка VII, кург. № 9, погр. 2 из группы курганов конца IV–II в. до н.э. [Железчиков и др. 2006: 30; рис. 65, 4].

Плоское зеркало с такой же рукоятью средней длины и скошенным торцом, с утолщением в месте перехода ручки в диск как в кург. № 1 происходит из кургана близ хутора Веселый I на р. Илек (раскопки И.А. Зарецкого в 1935 г.) и относится к IV в. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 28, 6]. Подобные зеркала происходят из погр. 8 кург. № 11 Бишунгаровского могильника (IV–II вв. до н.э.), кург. № 1 из числа курганов у пос. Целинный и Переволочанских курганов № 1 и 3 (VII–IV вв. до н.э.) на территории Башкирии [Пшеничнюк 1983: табл. XX, 1; XXV, 14; XLVII, 1–4], а также из погр. 1 кург. № 11 и погр. 2 кург. № 15 мог. Филипповка-I конца V – начала IV в. до н.э. [Трейстер и др. 2012: 131, 140–141; рис. 96, 1; 101, 1]. В целом, плоские зеркала с плоской боковой ручкой отнесены К.Ф. Смирновым и В.Г. Петренко к типу I – зеркала с длинной плоской металлической ручкой, отлитой вместе с диском, и датированы VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 28, 1–7].

В размерном отношении спиралевидная в два оборота серьга из бронзового прута, обёрнутого листом золота, из кург. № 1 относится к мелким (1–1,5 см) конца IV–III в. до н.э. [Мошкова 1963: 44]. Пара идентичных миниатюрных спиралевидных сережек, но изготовленных из золотого прута, происходит из IV Прохоровского кургана [Лылова 2004: рис. 1]. Е.В. Лылова предполагает их бытование в пределах конца IV в. до н.э., рубежа IV–III вв. до н.э. [Лылова 2004: 71]. В два оборота серебряная миниатюрная серьга из мог. Калиновка (кург. № 19, погр. 12) отнесена М.Г. Мошковой к III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: табл. 29, 24].

Височные кольца в 1,5 оборота из бронзовой проволоки, обёрнутой золотым листком, обнаружены на р. Илек во впускном погр. 1 кург. № 338 Увакского могильника (III–II вв. до н.э.), погр. 3 кург. № 3, погр. 8 и 10 кург. № 7 Мечетсайского могильника (конец IV–III в. до н.э.) [Смирнов 1975: 68, 105, 130; рис. 21, 4; 30, 5; 43, 2; 47, 4]. Две височные подвески в 2 оборота из бронзовой проволоки, обёрнутой серебряной фольгой, происходят из погр. 2 кург. № 9 мог. Лебедевка VII (группа курганов конца IV–II в. до н.э.) [Железчиков и др. 2006: 30; рис. 65, 5].

М.Г. Мошкова и Е.В. Лылова считают, что миниатюрные серьги из круглого в сечении прута появляются не ранее конца IV в. до н.э., в IV–III вв. до н.э. [Мошкова 1963: 44; Лылова 2004: 71]. В.М. Клепиков отмечает, что мелкие серьги такого типа «изредка встречаются, начиная с савроматского времени синхронно с крупными, но затем полностью сменяют их и сохраняются в погребальном инвентаре вплоть до I–II вв. н.э.» [Клепиков 2002: 89].

Бронзовый наконечник стрелы с выделенной втулкой из кург. № 1, по классификации В.М. Клепикова, соответствует типу 2 – с короткой втулкой, подтипу 2 – с треугольной головкой, вариант «б» – головка трёхлопастная, с лопастями, срезанными под тупым или прямым углом к втулке [Клепиков 2002: 40; рис. 7, 37]. По М.Г. Мошковой – такие наконечники ближе к типу VI Г, варианту, отнесённому к IV в. до н.э. Поволжья (но более мелкому), из могильника 15-й поселок, кург. № 1, погр. 5 [Мошкова 1963: табл. 14, 156].

Сопроводительный инвентарь погребения в кург. № 3 позволяет по разным датировочным вещам определить хронологическую позицию этого закрытого комплекса. По типологии В.М. Клепикова, железный меч из кург. № 3 относится к отделу 4 – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – с серповидным навершием [Клепиков 2002: 21]. Ввиду золотого убранства его можно отнести к числу парадных/церемониальных мечей/кинжалов

[Мордвинцева, Шинкарь 1999; Зуев 2016: 268]. По совокупности этих признаков меч датируется сер. II в. до н.э. – началом I в. до н.э. [Зуев 2016: 268]. В.М. Клепиков аналогичные чеботаревским железные кинжалы включил в отдел IV – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестьем, тип 2 – с серповидным навершием и отнёс к категории коротких мечей (кинжалов) [Клепиков 2002: 21], имеющим широкие хронологические рамки бытования в рамках раннесарматской культуры.

Плакированный золотом железный поясной крюк с зооморфным оформлением, как и плакированная золотом железная застёжка, являются уникальными артефактами, которым заведомо трудно найти полную аналогию и нуждаются в дополнительном осмыслении.

А.С. Скрипкин красноглиняные гончарные кувшины из раннесарматских погребений отнёс к числу сосудов среднеазиатского производства, датируя их III–II вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 158]. Зеркала с валиком по краю диска бытовали у сарматов в период с рубежа IV–III вв. до н.э. по I в. н.э. [Скрипкин 1990: 150–153], основной период существования зеркал типа 4.7 (по А.С. Скрипкину) – III–I вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 151].

М.Г. Мошкова пишет о стабильности типов бронзовых наконечников прохоровской культуры, с одной стороны, и эволюции их пропорций за счёт удлинения и заострения головки и превращения её в узкий треугольник, с другой стороны [Мошкова 1962: 81]. У наконечников стрел из кург. № 3 такие признаки явно выражены, что позволяет отнести их к интервалу III–II вв. до н.э. разработанной М.Г. Мошковой периодизации такого рода изделий [Мошкова 1962: 78].

Железная пряжка с подвижным язычком имеет аналогии с подобным изделием из погр. 10 кург. № 7 Мечетсайского могильника, которое К.Ф. Смирнов определил в качестве овальной пряжки от пояса [Смирнов 1975: 125; рис. 47, 4].

Судя про восстановленным размерам и формам фрагментов, сосуд из кург. № 4 может быть реконструирован в виде горшка с узким выделенным дном, профилированным туловом, высокой шейкой и широким горлом, отогнутым наружу венчиком. Сосуды с разной степени выделенным узким дном и широкой горловиной, от цилиндрической до воронковидной форм, бытуют с раннесавроматского времени [Смирнов, Петренко 1963: табл. 6, 14–15, 19, 29; 7, 2, 6], продолжают встречаться до финала культуры: в могильнике Энгельс (Покровский мог.), кург. № 31, в мог. Весёлый, кург. № 11, северо-восточный сектор [Смирнов, Петренко 1963: табл. 6, 22–23]. Близкий сосуду из кург. № 4 горшок происходит из Тарабутакского кург. № 3 рубежа VI–V вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: рис. 17, 13].

Характер выделенного дна соответствует приёмам изготовления такого типа дна савроматами (VI–V вв. до н.э.) – по программе конструирования донного начина в виде толстой круглой лепёшки, на которую наращивались строительные элементы полого тела, в результате чего образовывался своеобразный уступчик. Либо он формировался целенаправленно путём выдавливания несколькими пальцами по кругу, перпендикулярно поверхности [Краева 2017: 221].

В пользу савроматской принадлежности сосуда и погребения свидетельствует форма и широтная ориентация могильной ямы, которая может быть отнесена к савроматским погребениям в широких прямоугольных могилах VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко 1963: табл. 3].

Устройство валов на подкурганной площадке, которое зафиксировано в кург. № 4, было выявлено также в кург. мог. Таксай 1 (три глиняных вала, один из которых – прокалённый), кург. № 2 мог. Таксай 3 (глиняный вал, прерывающийся с южной стороны) (Теректинский р-н, ЗКО) и кург. № 1 мог. Жайык 1 (вал из дерновых блоков) (близ г. Уральска) в сочетании с широтноориентированными погребениями/могилами, датируемыми в пределах 2-й пол. VI – 1-й пол. IV в. до н.э. [Лукпанова 2022: 44; рис. 2, 5, 7]. Все приведённые признаки позволяют датировать кург. № 4 савроматским временем, VI–IV вв. до н.э.

Меридионально расположенная по длинной оси могильная яма с ориентацией погребённого головой на юг позволяет отнести погребение в кург. № 5 к раннесарматской культуре. Подобные

сосуду из кург. № 5 горшки А.С. Скрипкиным отнесены к вытянутым лепным горшкам с плоским дном, тип А55, к хронологическому списку 1 типов вещей, маркирующему памятники III–I вв. до н.э. [Скрипкин 1990: 167–171; рис. 9, 8]. Они отличаются сильно отогнутым наружу венчиком с широкой внутренней площадкой, а также орнаментацией «полотенцами». Сосуд из кург. № 5 представляет его вариацию, выраженную не цилиндрической, а слегка зауженной кверху шейкой.

Практически полной аналогией этого сосуда (за исключением отсутствия «полотенца») является сосуд из кург. № 12 Шиповского мог., из числа курганов II группы [Пшеничнюк 1976: 54, рис. 15, 1], включая выделенный горизонтальными линиями валик/широкую полосу в месте перехода тулова сосуда в шейку. Курганы этой группы датируются автором раскопок также III–I вв. до н.э. [Пшеничнюк 1976: 74].

М.Г. Мошкова такие лепные сосуды с круглым туловом и сужающейся кверху шейкой отнесла к отделу 1 – грушевидные плоскодонные сосуды уральского или зауральского происхождения и периоду III–II вв. до н.э., в частности, сосуд из мог. Бережновка II, кург. № 14, погр. 19 (Волгоградская обл., раскопки И.В. Синицина. 1952–1955 гг.) [Мошкова 1963: 24–25; табл. 6, 4]. Бережновский сосуд также имеет поверху тулова две параллельные прочерченно-продавленные линии (создающие гладкий пояс-валик), от которых вниз спускается «полотенчиковая» орнаментация, и обильную примесь талька в тесте.

Тальковая примесь в тесте лепных сосудов характерна для IV в. до н.э., орнамент в виде «полотенца» обычен для комплексов II–I вв. до н.э. Такая встречаемость признаков двух хронологических групп согласно методике «зажатых» датировок В.П. Клепикова [Клепиков 2002: 97–98] позволяет отнести сосуд из кург. № 5 (и погребение в кургане, в целом) к III в. до н.э.

Заключение

Погребение в кург. № 1 содержит часть материалов, бытующих на всём протяжении раннесарматской культуры (сероглиняный шаровидный сосуд, витые миниатюрные серьги из круглого в сечении прута, курильница). В то же время есть изделия, которые характерны для савроматского времени (бронзовое зеркало с плоским диском и боковой рукоятью) или впервые появляются еще в савроматское время и бытующие в раннесарматское (миниатюрные витые серьги из круглого в сечении прута, круглодонность лепной посуды). Редкий пример устройства отверстий в дне курильницы относится к IV в. до н.э. К этому же времени относится и бронзовый наконечник с короткой выделенной втулкой. IV в. до н.э. является периодом пересечения в погребении кург. № 1 поздних дат бытования савроматского зеркала и собственно раннесарматских изделий и, очевидно, является временем его сооружения.

Погребение в кург. № 3 мы склонны относить к типу 5 – подбойные ямы, варианту А – с одним подбоем вдоль длинной стенки по классификации А.С. Скрипкина, второй по численности форме ям III–I вв. до н.э., после узких прямоугольно-удлиненных ям в Заволжье и Южном Приуралье [Скрипкин 1990: 179, 180; табл. 16]. Оружие из погребения в кург. № 3, пришивные бляшки позволяют сузить дату погребения до последней четверти II – начала I в. до н.э. Это наиболее возможные узкие хронологические рамки комплекса. Не исключено их расширение на полвека в ту или иную сторону, согласно более широким принятым датировкам мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором.

Формасосуда, ориентация могильной ямы и погребённого, нюансы обустройства подкурганной площадки позволяют датировать кург. № 4 савроматским временем, VI–IV вв. до н.э. Погребение в кург. № 5 с учётом формы сосуда и сочетания в нем тальковой примеси и орнаментации в виде «полотенца» может быть датирован III в. до н.э.

Таким образом, каждое из погребений в курганах мог. Чеботарево IV имеет свой хронологический диапазон и в то же время относится к разным этапам истории и культуры ранних кочевников правобережья р. Жайык в среднем её течении в рамках 2-й пол. I тыс. до н.э., включая

савроматов и раннесарматскую культуру на всём протяжении её существования в данном регионе. Видимо, этим и определился дисперсный характер топографии памятника. Материалы могильника вносят вклад в изучение истории и разных сторон культуры местного савромато-сарматского населения. Авторами планируется отдельная и подробная публикация материалов погребения под насыпью кургана № 3.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- 2 Заключение историко-культурной экспертизы № AR-08/320-22 от 23.08.2022 г. // Архив ТОО «Rutrum». Инвентарный номер AR-08/320-22. 34 с.
- 3 Зуев В.Ю. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. М-лы междунар. Круглого стола (СПб., 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.-сост.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 259–276.
- 4 Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 216 с.
- 5 Краева Л.А. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 352 с.
- 6 Лукпанова Я.А. Особенности погребальных конструкций сарматского времени (VI–IV вв. до н.э.): по материалам исследований 2012–2022 гг. в Западном Казахстане // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 2 / Гл. ред. А. Онгарулы. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. С. 35–45.
- 7 Лылова Е.В. Золотые серьги из IV Прохоровского кургана // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2004. Вып. VI. С. 70–73.
- 8 Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 138–148.
- 9 Мошкова М.Г. О ранних втульчатых наконечниках стрел // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.
- 10 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1-10. 56 с.: ил.
- 11 Пшеничный А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- 12 Пшеничный А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
- 13 Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 298 с.
- 14 Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред.: Р.М. Мунчаев и В.И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 166–179.
- 15 Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- 16 Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / САИ. Вып. Д1-9. М.: Наука, 1963. 40 с.: ил.
- 17 Трейстер М.Т., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). В 2-х т. Т. 2. М.: ТАУС, 2012. С. 84–156.

REFERENCES

- 1 Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.) (Antiquities of Lebedevka (6th–2nd centuries BCE))*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 2 In: Archive of Rutrum LLP. Inventory number AR-08/320-22, 34 (in Russian).
- 3 Zuev, V. Y. 2016. In: Zuev, V. Y., Hrshanovskiy, V. A. (eds.). *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kultura (The elite of Bosporus and the Bosporan elite culture)*. St. Petersburg: “PALACCO” Publ., 259–276 (in Russian).
- 4 Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhya v IV–III vv. do n.e. (Sarmatians of the Lower Volga region in the 4th–3rd centuries BCE)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- 5 Kraeva, L. A. 2017. *Goncharstvo sarmatskih plemen Zapadnogo Kazakhstana (Pottery of the Sarmatian tribes of Western Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 6 Lukpanova, Y. A. 2022. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arheologii evraziyskih stepey (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. Materials of the 5th International Congress of the*

- Archaeology of the Eurasian Steppes*. In 5 vol. Vol. 2. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 35–45 (in Russian).
- 7 Lylova, E. V. 2004. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological monuments of the Orenburg region)*. Issue VI. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 70–73 (in Russian).
- 8 Mordvintseva, V. I., Shinkar, O. A. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 138–148 (in Russian).
- 9 Moshkova, M. G. 1962. In *KSIA (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 89, 77–82 (in Russian).
- 10 Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kultury (Monuments of Prokhorov culture)*. D1-10. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 11 Pshenichnyuk, A. K. 1976. In: Kuzeev, R. G. et al. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).
- 12 Pshenichnyuk, A. K. 1983. *Kultura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 13 Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy hronologii i ee istoricheskiy aspekt (Asian Sarmatia: Problems of chronology and its historical aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
- 14 Smirnov, K. F. 1973. In: Munchaev, R. M., Markovin, V. I. (eds.). *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti (The Caucasus and Eastern Europe in ancient times)*. Moscow: “Nauka” Publ., 166–179 (in Russian).
- 15 Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ilike (Sarmatians on Ilek)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 16 Smirnov, K. F., Petrenko, V. G. 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priuraliya (Sauromats of the Volga region and the Southern Urals)*. D1-9. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 17 Treyster, M. T., Shemahanskaya, M. S., Yablonskiy, L. T. 2012. In: Treyster, M. Y., Yablonskiy, L. T. (eds.). *Vliyanie ahemenidskoy kultury v Yuzhnom Priuralie (V–III vv. do n.e.) (The influence of Achaemenid culture in the Southern Urals (5th–3rd centuries BCE))*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: “TAUS” Publ., 84–156 (in Russian).

About the Authors

Zakharov Sergey – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0009-4848-1118](https://orcid.org/0009-0009-4848-1118) E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru

Maryxin Denis – Researcher, Rutrum LLP, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-0275-5231](https://orcid.org/0000-0003-0275-5231) E-mail: maryxin@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Захаров Сергей Владимирович – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Марыксин Денис Валерьевич – ғылыми қызметкер, «Rutrum» ЖШС, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Захаров Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан

Марыксин Денис Валерьевич – научный сотрудник, ТОО «Rutrum», г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 18.03.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.04.2024.

Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу.

/ The authors have made an equal contribution to the work.

